

СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА С УЧАСТИЕМ ВУЗА: СЛОЖИВШИЕСЯ ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ *

РОММ Марк Валериевич – д-р филос. наук, проф., декан факультета гуманитарного образования, Новосибирский государственный технический университет. E-mail: mark.romm@gmail.com

ЗАЯКИНА Раиса Александровна – канд. филос. наук, доцент кафедры конституционно-го и международного права, Новосибирский государственный технический университет. E-mail: raisa_varygina@mail.ru

***Аннотация.** В статье выявлена система практик социального взаимодействия, посредством которых в повседневной жизни отечественных университетов реализуются их сетевая активность. С опорой на ценностно-целевые ориентации определены явные и скрытые мотивы выбора вузом определенной практики взаимодействия внутри сетевого сообщества. Представлена авторская классификация принципов, определяющих природу взаимодействия акторов внутри сетевых сообществ. На основе данной классификации выделяются социальные практики сетевого партнерства, сетевой конкуренции и сетевого симулятора. Исходя из заявленной классификации, фиксируются предполагаемые бенефициары сетевой деятельности внутри сообщества. Исследуется механизм формирования сетевых симуляторов в научно-образовательном пространстве и феномен сетевого коллапса как неизбежного финала их существования. Раскрываются причины возникновения в социальных сетях с участием вузов сетевых симуляторов.*

***Ключевые слова:** сетевое сообщество с участием вуза, практики социального взаимодействия, сетевое партнерство, сетевая конкуренция, сетевые симуляторы, сетевой коллапс, сетевые симулякры*

***Для цитирования:** Ромм М.В., Заякина Р.А. Сетевые сообщества с участием вуза: сложившиеся практики социального взаимодействия // Высшее образование в России. 2016. № 11 (206). С. 28–37.*

Введение

Сетевые аспекты развития отечественной высшей школы выступают в проводимых сегодня реформах системы образования не только как один из ведущих лозунгов, но и как осознанная необходимость [1–3]. Произошедшие в последний период глубокие изменения ландшафта социальной реальности и радикальное, в том числе сетевое, переформатирование всей сложившейся до этого системы международного образования вызвали соответствующую реакцию власти и общества. Разумеется, в условиях высокой турбулентности и сто-

хастичности, присущих информационной эпохе, процесс кардинального реформирования всех уровней российского образования весьма логичен, более того – практически неизбежен.

Глобальная система образования традиционно весьма консервативна и инертна. Однако даже столь ригидная система в новых обстоятельствах вынуждена реагировать на коренную трансформацию информационных условий ее функционирования и очередные экономические, политические вызовы, сопряженные с форсированной сетевизацией и информатизацией всех уров-

* Настоящая статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 14-06-00353 «Теоретико-методологические основания изучения деятельности вуза в партнерских сетевых сообществах».

ней социально-образовательной среды. Нынешние и грядущие, уже заявленные преобразования российского высшего образования ознаменованы возникновением новых, не только осознанно-деятельностных, но и неэксплицированных фоновых социальных практик [4]. Все они, по-видимому, представляют собой некий рефлексивный отзыв вузов и научно-педагогического сообщества на сложившуюся ситуацию. Практики социального взаимодействия внутри сетевых сообществ с участием вузов понимаются нами как комплексы явных или неявных правил, стратегий и норм, следуя которым сетевое сообщество может в условиях значительных рисков и неопределенности совместно решать задачи различной сложности, соответствовать нормативным ожиданиям формального административного регулятора, а также устанавливать / навязывать собственные формальные / неформальные стандарты поведения или символическую стратификацию внутри сетевого сообщества.

**Сетевые сообщества с участием вуза:
ценностно-целевые ориентации
и типологизация сложившихся практик**

Социальная сеть – это непростой для изучения «инструмент» взаимодействия с миром людей и миром техники. Механизм и природа сетевого воздействия на общество и на акторов внутри сети зачастую носят неоднозначный, а порой и парадоксальный характер. Так, стороннему наблюдателю может показаться, что сетевая деятельность спонтанна, а потому лишена какой-либо осмысленной цели и логики. Активность социальной сети визуально производит впечатление стохастических, индетерминистских интеракций, основанных на индивидуальной мотивации составляющих ее акторов и потому якобы лишенных единства цели их деятельности. Однако, даже если сетевая цель и не предполагает детального вычисления конкретных выгод и потерь, она всегда допускает нали-

чие «ступенчатой выгоды» [5]. Выходит, такая кажущаяся «бесцельность» иллюзорна, более того, скрытая цель сетевых взаимодействий формирует всю магистральную линию поведения акторов в сети [6]. Обнаруживая ее, можно ответить на ряд крайне актуальных вопросов.

Например, почему активно создаваемые социальные сети с участием вуза, несмотря на единство их базовых структурных оснований, на практике столь разнятся эффективностью сетевого взаимодействия? Или: сколь оправданно сведение всего многообразия сетевых объединений, сообществ и структур к одним лишь формальным структурным образованиям и каковы критерии эффективности вузовских сетевых сообществ? И наконец, ключевой вопрос в контексте сетевых фоновых практик отечественных университетов: все ли сетевые сообщества создаются исключительно для получения реального результата, связанного с действительным ростом научных достижений и безусловным повышением качества предоставляемых потребителю образовательных услуг, или же возможны варианты?

Специального обсуждения заслуживают также своеобразные «превращенные формы» сетевой активности отечественных университетов. Подобные тенденции в образовательной среде все более заметны и не могут не подвергаться острой полемике [7]. Значительное число вновь создаваемых вузовских сетевых сообществ развивают исследовательскую активность лишь на словах, на деле играя роль своеобразных «сетевых симуляторов». Для подмены и/или формализации плодотворной активности сетевого взаимодействия при помощи имитативных процессов и процедур создаются декларативно-продуктивные по форме и симулятивно-притворные по содержанию сообщества сетевого типа. Попробуем разобраться в причинах этой настораживающей практики.

Очевидно, что основным двигателем,

запустившим механизм возникновения подобных практик, являются внешние требования, которые профильное министерство (далее – административный регулятор) предъявило вузам на государственном уровне. Набор этих требований сводится к разнообразным предписаниям, мониторингу качества работы вузов сквозь призму довольно жестких критериев соответствия – назовем их «входными параметрами». Данные параметры задаются в императивной форме и, в конечном счете, предполагают ранжирование вузов на соответствие / несоответствие заявленному. Нетрудно заметить, что многие из параметров в той или иной мере затрагивают различные аспекты вузовской социально-сетевой активности. К таковым относятся: совместные с зарубежными учеными научные проекты; проведение всевозможных международных симпозиумов, конференций, научно-образовательных школ; реализация совместных образовательных программ; студенческая и академическая мобильность и др. Подчеркнем, что измеряются / ранжируются, как правило, количественные, а не качественные показатели. При таком подходе к оценке эффективности научной, учебной и академической активности, организуемой по сетевому принципу, вузу для отчета важнее, например, сколько студентов или ученых съездили на стажировку за рубеж, а не зачем они туда съездили с точки зрения действительной пользы для развития их собственных научных результатов и исследовательских компетенций.

Аналогичная ситуация сложилась и с вузовскими «инновационными площадками». Судя по вузовским и министерским отчетам, число подобных инновационных структур (как правило, предполагающих развитое и разностороннее сетевое взаимодействие с ведущими научно-исследовательскими центрами, высокотехнологичными производствами и/или несколькими вузами) в высшей школе за последнее время увеличилось в разы. А вот вырос ли

за отчетный период объем произведенных ими инновационных продуктов – это по-прежнему вопрос весьма спорный. Так, для многих специалистов не секрет: поставленный на поток процесс создания подобных «инновационных» структур нередко стимулируется только объяснимым желанием ряда вузов соответствовать формальным аккредитационно-лицензионным требованиям внешнего мониторинга административного регулятора. Не менее важной для целей этой «инновационной гонки» является защита конкретного вуза или вузовского подразделения (кафедры, факультета, института) от возможных административных санкций в русле реализуемой в последнее время стратегии по «экономии средств», «оптимизации параметров госзаказа» и «реструктуризации сети вузов РФ».

Не удивляет, что при создании вузовских сетевых сообществ наблюдается процесс воплощения в жизнь практик социального взаимодействия, неоднородных по целевой направленности и ценностным ориентациям. Совместное сетевое определение ситуации как стрессовой приводит вузы к оформлению нечитаемых и неартикулируемых утилитарных краткосрочных целей. Это фактически действие по наитию, своеобразная рефлекс-стратегия реагирования на ситуацию риска. В свою очередь, общий вектор жизнедеятельности вузовских сетевых сообществ, ценностный характер и целевая направленность фоновых практик полностью зависят от тех базовых принципов, которые положены в основу целей их функционирования и ценностных ориентиров.

Можно выделить три всеобщих принципа, определяющих специфику и характер практик социального взаимодействия вузовских сетевых сообществ: 1) сетевое сотрудничество; 2) сетевая конкуренция; 3) сетевая симуляция. Если сетевое сообщество функционирует на основе принципа сотрудничества, результатом реализации

данного принципа выступает партнерское сетевое сообщество. Если сетевое сообщество функционирует на основе принципа конкуренции, следствием реализации данного принципа предстает конкурентное сетевое сообщество. Если сетевое сообщество функционирует на основе принципа имитации, итогом реализации данного принципа служит симуляция сетевого сообщества.

Практика сетевого партнерства. В ее основе лежит партнерское сотрудничество как базовый принцип регулирования сетевого соучастия акторов при достижении ими общезначимых целей. Принцип партнерского сотрудничества основан на единстве ценностей, взаимном доверии и эквивалентном распределении затрат и выгод в процессе сетевого взаимодействия, нацеленного на достижение всеми сетевыми партнерами / акторами общезначимого результата. Бенефициаром сетевого партнерства выступают все без исключения сетевые партнеры / акторы в процессе общезначимой деятельности по достижению искомого результата.

Практику социального взаимодействия сетевого партнерства следует отличать от *практики сетевой конкуренции*, базовым принципом которой является конкурентная борьба. Для сетевой конкуренции характерна безусловная ориентация на эксплицитное или имплицитное, научное или политическое, структурное или экономическое, ценностное или символическое доминирование сетевого конкурента / актора над остальными сетевыми конкурентами / акторами; а также навязывание первыми неэквивалентных условий сотрудничества, собственных норм, стандартов и целей сетевого взаимодействия в качестве стратегического приоритета для вторых. Бенефициаром сетевой конкуренции служит доминирующий сетевой конкурент / актор или доминантный сегмент сетевой структуры (сообщества), способный единолично навязать всем остальным рецессивным сетевым конкурентам / акторам собственные цели,

нормы, правила и условия взаимодействия в ходе сетевой конкуренции.

Практика сетевого симулятора. Сетевое партнерство и сетевая конкуренция при определенных условиях способны превращаться в свою противоположность — сетевой симулятор, который, оставаясь сетевым сообществом по форме, радикально меняет сущностно-целевые ориентиры своей жизнедеятельности. Последние, в нашем понимании, означают практически полный разрыв с деятельностью в ее традиционном целерациональном понимании. Налицо переход к реализации единственной цели и смысла существования сетевого симулятора: имитации бурной успешной деятельности при ее полной подмене внешними эффектами, иллюзиями и симуляциями.

Разумеется, мы вполне отдаем себе отчет в том, что жизнь сложнее любых теоретических моделей и схем. Именно поэтому на практике в сетевых взаимодействиях редко можно встретить чистые идеально-типические конструкции. В социальной реальности добросовестный исследователь может обнаружить самые разные комбинации чистых типов обозначенных выше сетевых фоновых практик.

В контексте повседневной жизнедеятельности вузовским сетевым сообществом могут выстраиваться следующие мотивационно-целевые модели. Вуз как социальный и административный субъект «по определению» обязан выполнять заданную внешним регулятором установку на соответствие некоей идеальной модели передового учебного заведения. А это значит, что всё в работе вуза подчинено деятельности по созданию искомого и вожаемого образа успешного, процветающего, инновационного университета, который сконцентрирован и зафиксирован в целом ряде документов: тут и материалы самоотчетов, и заключения экспертов, и результаты проверки «полиции качества». Именно так возникает критическая развилка в жизни вузовского коллектива и его руководства.

Здесь мы сталкиваемся с классической точкой бифуркации, которая задает и устанавливает если не все, то очень многое в определении траектории ценностного самоопределения, а также в демонстрации *urbi et orbi* собственных интеллектуальных и профессиональных амбиций на основе анализа своих возможностей и резервов.

Активизированный регулятором процесс своеобразного «образовательного дарвинизма», профессионального ранжирования и отбора наиболее «достойных» вузов, способных выдать ожидаемый результат [8], закономерно приводит к полной ревизии интеллектуальных, административных, материальных, технологических, социально-сетевых ресурсов вузовского сообщества, запуская в нем весьма противоречивые и непростые процессы конкуренции и обособления. Фактически сложившаяся ранее и во многом доставшаяся нам в наследство от советской эпохи традиционная система вузовского сообщества разрушается на наших глазах или уже разрушена. Новая система еще не отстроена в полном объеме. Мы видим пока лишь ее общие контуры. И если с верхним сегментом некоторая ясность уже есть (МГУ, СПбГУ, федеральные и исследовательские университеты), то средние и нижние ее сегменты находятся на этапе активного перестроения и острейшей конкурентной борьбы между собой за «место под солнцем».

Конкурентная борьба внутри значительной части вузовского сообщества разворачивается не просто за доступ к тем или иным финансовым ресурсам или потокам государственного финансирования. Для определенного числа вузов вопрос стоит о перспективах их сохранения в качестве отдельных образовательных учреждений, а это уже очень серьезно. В такой ситуации одни вузы пытаются удержать лидирующее положение, другие мечтают лишь о сохранении *status quo*, а третьи борются за приобретение большего влияния, рассчиты-

вая на поглощение или аннексию учебных площадей, клиентской базы и наиболее конкурентоспособной части кадровых ресурсов слабейшего актора с целью обретения более устойчивого (в идеале – доминирующего) положения в глобальной системе отечественной вузовской иерархии. Можно констатировать, что отечественное высшее образование раскололось на «успевающих» и «опаздывающих». В обстановке острейшей конкурентной борьбы в полном объеме реализуется практика сетевой конкуренции (причем ряд признаков свидетельствует о том, что в последнее время практика сетевой конкуренции явно доминирует над практикой сетевого партнерства).

В столь непростых обстоятельствах вполне реален вариант привлечения «периферийных» для сетевой системы рецессивных акторов и их ресурсов в ее центр под контроль доминантного сетевого актора – эффект «стягивания сил». В результате такого «квазипартнерского» трансферта решается несколько задач. Слабый (рецессивный) вуз получает столь необходимые показатели вовлеченности в сети, позволяющие удержаться в рамках формального соответствия, сильный же (доминантный) вуз активно эксплуатирует задекларированные периферийные связи для усиления собственного имиджа и статуса в формирующейся вузовской иерархии. В действительности, исходя из долгосрочных интересов, обе стороны не заинтересованы в развитии подобных отношений по схеме неэквивалентного обмена; ситуативные претензии каждого из участников имитационной связи удовлетворяются *ad hoc*.

Сетевые сообщества с участием вуза: путь к симулякру

И вот уже на смену «информационной эпохе» М. Кастельса, а может быть, и в ее дополнение приходит «эра симуляции» Ж. Бодрийяра, которую, в свою очередь, венчает чистый симулякр. «Речь не идет

больше ни об имитации, ни о дублировании, ни даже о пародии. Речь идет о замене реального знаками реального...» [9, с. 18]. Следуя предположению Ж. Бодрийяра, выделившего четыре этапа траектории эволюции живого образа реальности к «пустому симулякру», мы допускаем аналогичную эволюцию действительного сетевого сообщества, которое при известных обстоятельствах способно превращаться из деятельного и реального актора сетевого взаимодействия через устойчивую фазу сетевого симулятора в свою инструментальную противоположность – сетевой симулякр.

Логика «превращения» такова:

– *на первом этапе* эволюции сетевое сообщество активно продуцирует деятельность и вполне отражает окружающую реальность (или, в редуцированном варианте, акторы изначально ставят перед собой такие цели);

– *на втором этапе* эволюции сетевое сообщество, деформируясь по аксиологическим и телеологическим характеристикам, маскирует и искажает базовую реальность. В рассматриваемом случае интуитивно избирается кратчайший путь удовлетворения требований административного регулятора, неизбежно трансформирующий цели существования сети;

– *на третьем этапе* эволюции сетевое сообщество теряет всякую связь с декларированными целями и уже полностью готово маскировать отсутствие базовой реальности и целесообразной деятельности, становясь симулятором. Именно тогда, по независимым от акторов обстоятельствам, названным нами сетевым коллапсом и подробно раскрываемым далее, сетевая форма неизбежно рассыпается. Сеть, потерявшая ценностное содержание и исказившая саму цель своего существования, теряет и оболочку. Ее уже нет, однако сетевые акторы продолжают вести себя так, будто сеть не только существует, но и стремится к реализации изначально заданных целей. И, наконец,

– *на четвертом этапе* эволюции сетевого сообщества, чем бы последнее для нас не представлялось, оно продолжает симулировать наличие уже несуществующего симулятора, служа в действительности «своим собственным чистым симулякром» [9, с. 23]. Рождение сетевого симулякра, соответствующего четвертому этапу, как правило, связано с перспективой получения участниками симулятивной сети неких дивидендов. Если последние достаточно высоки, то значительно возрастает и вероятность возникновения сетевого симулякра.

Предложенная эволюционная схема позволяет эксплицировать и визуализировать симулятивные фоновые практики вузовских сетевых сообществ. Помимо полной или развернутой траектории подобной эволюции, мы допускаем существование и ее «укороченной», двухэтапной траектории. При воплощении последней в жизнь первый и четвертый этапы как бы «выпадают», и вся траектория эволюции сетевого сообщества укладывается в два этапа. При таком понимании первый этап начинается с момента аксиологической и телеологической деформации, а второй – символизирует собой тотальное разрушение самой сетевой структуры.

Аналогичным образом на смену результативной научно-образовательной деятельности ряда вузовских сетевых сообществ настойчиво выдвигаются всего лишь ее знаки – ирреферентные образы (пороговые значения, аккредитационные показатели, лицензионные требования и очередные нормы соответствия), связанные с реальным учебным и научным процессом весьма условно, по касательной. Так, фоновая практика симуляции деятельности все в больших и больших масштабах подменяет собой действительные целесообразные исследовательские практики и живое научное творчество вузовских сетевых сообществ [10]. Здесь необходимо сделать специальную оговорку. Сказанное выше отнюдь не

означает огульную критику вузовских работников. Причисляя подобную деятельность к фоновым практикам, мы специально подчеркиваем: конкретные люди, вовлеченные в процесс, могут и не осознавать его симулятивную природу, зачастую они вполне добросовестно выполняют формально предписанные им операции на рабочем месте. Ведь притворной целью функционирования сетевого сообщества будет провозглашаться совсем другое – например, интеграция в открытое образовательное пространство, повышение уровня подготовки научных кадров, налаживание академического обмена, создание совместных проектов и т.п.

Остался нерешенным вопрос о сути наблюдаемого на практике феномена, названного нами «сетевым коллапсом», что предполагает распад сетевого симулятора в результате разрушения его сетевой структуры. Согласно базовым постулатам классической теории социальная сеть по определению децентрализована и принципиально неиерархична. Другими словами, «никакая ее точка не должна иметь преимущество перед другой, равно как не может быть привилегированной связи между двумя отдельными точками» [11, с. 66]. Однако сетевые симуляторы обладают уникальной спецификой и демонстрируют обратный эффект. Практически все наблюдаемые нами примеры имеют скрытую статичную структуру власти: есть четко выраженный управленческий центр, задающий желаемые параметры создаваемой иллюзии и определяющий формальные роли прочим акторам.

Кроме того, сетевые структуры по определению всегда открыты для вхождения в них новых сетевых акторов. Данная принципиальная открытость сетей считается их важнейшим атрибутивным свойством: сеть является экспансивной по своей природе. В случае с сетевым симулятором – все наоборот. При установлении необходимо-го и достаточного числа контактов он «схло-

пывается», закрывая или предельно сужая возможность вхождения в него новых сетевых акторов. Спрашивается: почему это происходит, если, учитывая взятый курс на количественное увеличение показателей и следуя стандартной для обычной социальной сети логике, вуз должен был бы проявлять устойчивый интерес к расширению числа акторов? Основная причина такого поведения кроется в иллюзорности, мнимости результатов подобных отношений. Поддерживать мифы проще с теми, кто их разделяет и продуцирует. Именно поэтому связи, изначально создаваемые как сетевые, превращаются в своеобразный «клуб для посвященных», разделяющих общие ценности (успех любой ценой) и стремление не быть, а лишь казаться, находясь в процессе непрерывной имитации эффективной деятельности.

Другое важное свойство сетевых сообществ – зависимость состояния сети от специфики и характера информационного взаимодействия в ней. Именно информационный обмен, реализуемый по принципу свободного доступа к постоянно обновляемой для всех участников информации, служит ключевым ресурсом, для получения которого акторы и вовлекаются в продуктивные сетевые отношения. При блокировании механизма свободного обмена и доступа к сетевому капиталу тотчас наблюдается резкое снижение интереса к такому сообществу со стороны его участников; происходит стремительная девальвация символического статуса данного сетевого ресурса среди ему подобных. В сетевых симуляторах информационный поток низведен до уровня простых сигналов (фиксируются и оцениваются лишь акты социального участия в формализованной жизни контрагентов), они слабы и редки. Участники сети не мотивированы на установление реального информационного обмена, не готовы делиться собственной информацией и не заинтересованы в ответных действиях со стороны прочих акторов (узлов) сети.

Еще одной важнейшей характеристикой сетевых сообществ можно назвать высокий уровень энтропии. Именно сетевой «беспорядок» позволяет самоорганизующейся системе жить, «дышать» и развиваться. Данная идея реализована в прозрачной ремарке Х. Уайта, фиксирующей, что «идентичности ищут опору для контроля среди хаоса через социальную поддержку, тем самым порождая смысл» [12, с. 1]. Постоянно стремясь к нахождению индивидуального баланса внутри системы, акторы сети задают темп метаморфозам, раскрывающим все новые и новые горизонты системного развития. Таким образом, пределы возможности воспроизводства социально-сетевой системы (и, как следствие, пределы ее существования) непосредственно связаны с уровнем энтропии в ней. Если рассматривать энтропию в социальных сетях как меру вероятности достижения наибольшей упорядоченности сложной системы, можно предполагать эволюционный путь системы как переход из неупорядоченного состояния в более упорядоченное. При этом будут ясны начальные и условно конечные характеристики системы, сам же путь окрасится в цвета уникальности. Безальтернативная предписанность и полное отсутствие энтропии в сетевом симуляторе при любых административных попытках вдохнуть в него жизнеспособность обрекают систему на неизбежный кризис. Все перечисленные выше причины неуклонно ведут к сетевому коллапсу. Подчеркнем: сетевой коллапс — это не одномоментный процесс. Распад сетевой ткани симулятора может занимать некоторое время. Закономерным итогом данного процесса является полное уничтожение сетевой структуры. В процессе деструкции сетевого симулятора, когда по перечисленным выше причинам коллапсирующий сетевой симулятор перестает быть сетью даже по форме, фактически распадаясь полностью, а акторы продолжают поддерживать види-

мость существования сетевого конструкта, мы можем наблюдать его замену сетевым симулятором.

Заключение

Подведем окончательные итоги. Выше мы показали, что среди выделенных нами принципов взаимодействия в сетевых сообществах с участием вуза преобладают сетевая конкуренция и сетевая симуляция. Соответствующие им социальные практики достаточно прочно вошли в траекторию развития отечественных вузов как реалии повседневной жизни. Сотрудничество при этом является организационно более сложной и ресурсно затратной траекторией сетевой деятельности и потому практикуется сравнительно реже, что влечет за собой дефицит продуктивных практик сетевого партнерства в научно-образовательной среде. Данная тенденция не может не сказаться негативно на общей эффективности деятельности современного отечественного университета.

Кроме того, проследив путь возникновения, развития и распада сетевых симуляторов, мы смогли выявить и описать феномен сетевого симулякра. Пытаясь избежать субъективных оценочных суждений, все же добавим: мы отнюдь не утверждаем, что все отечественные вузы в ответ на внешние требования административного регулятора порождают только сетевые симуляторы и симулякры, но мы убеждены, что определенное количество российских вузов в той или иной степени порождают (поддерживают) и их тоже. Сетевые симуляторы и симулякры, в полной мере поддающиеся осмыслению лишь в контексте специального анализа непроблематизированной повседневно-реактивной вузовской жизнедеятельности, стали своего рода знаками, сигнализирующими нам о наличии циркулирующих в образовательном пространстве устоявшихся стратегий, «сценариев», симулятивных фоновых практик, призванных продемонстрировать своеобразную мимик-

рию и лояльность института образования к социальным реформам и потрясениям. Разумеется, поставить верный диагноз еще не значит вылечить болезнь. Однако лишь имея правильный диагноз, мы способны двигаться в верном направлении и приступить к разработке релевантных стратегий излечения социальных недугов и проблем.

Литература

1. Овсиенко А.В., Зимина И.В., Клинцова Н.Н., Мюллер Ф. Сетевое взаимодействие в рамках социального партнерства, реализуемого научно-образовательным кластером // Высшее образование в России. 2013. № 12. С. 55–59.
2. Щеголев Д.А., Косова Н.М., Лихачева С.Ю., Павлова А.В. Технология организации сетевого партнерства в рамках взаимодействия «школа – вуз» // Высшее образование в России. 2015. № 6. С. 118–123.
3. Кайбияйнен Д.А. Университетские кластеры как фактор развития сетевой экономики региона // Высшее образование в России. 2015. № 10. С. 164–167.
4. Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб, 2008. 298 с.
5. Levine S., Kurzban R. Explaining Clustering in Social Networks: Towards an Evolutionary Theory of Cascading Benefits // Managerial and Decision Economics. 2006. Vol. 27, pp. 173–187.
6. Kadushin Ch. (2012). Understanding Social Networks Theories, Concepts and Findings. NY: Oxford University Press.
7. Тхагапсоев Х.Г., Сапунов М.Б. Российская образовательная реальность и ее превращенные формы // Высшее образование в России. 2016. № 6. С. 87–97.
8. Зулькарнай И.У., Ислакаева Г.Р. Российские вузы в глобальных рейтингах // Высшее образование в России. 2015. № 12. С. 13–21.
9. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула: Тульский полиграфист, 2013. 204 с.
10. Бабинцев В.П. Бюрократизация регионального вуза // Высшее образование в России. 2014. № 2. С. 30–37.
11. Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 61–75.
12. White H. Identity and Control: How Social Formations Emerge (Second Edition). Princeton, NJ: Princeton University Press, 2008.

Статья поступила в редакцию 01.08.16.

NETWORK COMMUNITIES WITH UNIVERSITY PARTICIPATION: ESTABLISHED PRACTICES OF SOCIAL INTERACTION

This article has been written within the project of Russian Foundation for Humanities “Theoretical and methodological grounds for studying activity of a university in partner network communities”, No. 14-06-00353.

ROMM Mark V. – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Dean of the Faculty of Humanities, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia. E-mail: mark.romm@gmail.com

ZAYAKINA Raisa A. – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., the Department of Constitutional and International Law, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia. E-mail: raisa_varygina@mail.ru

Abstract. The article analyzes a system of social interaction practices which are used by national universities to undertake their network activity in daily life. Taking into consideration value and goal orientation, the authors reveal obvious and hidden motives for university's choice between interaction practices in network communities. The authors' classification of the principles specifying the nature of interaction between actors in network communities is suggested. In accordance with the present classification, social practices of network partnership,

network competition, and network simulator are suggested. On the basis of the proposed classification, expectant beneficiaries of network activity inside community are described. The authors study the mechanism of forming network simulators in research and education space and the phenomenon of network collapse as an inevitable consequence of their existence. The reasons for emergence of network simulacra in social networks with university participation are explored.

Keywords: network community with university participation, social interaction practices, network partnership, network competition, network simulators, network collapse, network simulacra

Cite as: Romm, M.V., Zayakina R.A. (2016). [Network Communities with University Participation: Established Practices of Social Interaction]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 11 (2016), pp. 28-37. (In Russ., abstract in Eng.)

References

1. Ovsienko, L.V., Zimina, I.V., Klintsova, N.N., Myuller, F. (2013). [Research and Academic Cluster as a Model of Network Cooperation]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 12, pp. 55-59. (In Russ., abstract in Eng.)
2. Shchegolev, D.L., Kosova, N.M., Likhacheva, S.Yu., Pavlova, L.V. (2015). [Technology of Network Partnership Organization Within the Interaction «School – University»]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 6, pp. 118-123. (In Russ., abstract in Eng.)
3. Kaibiyainen, D.A. (2015). [Network Effect in the Regional Economy Provided by Education Clusters]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 10, pp. 164-167. (In Russ., abstract in Eng.)
4. Volkov, V.V., Kharkhordin, O.V. (2008) *Teoriya praktik* [A Theory of Practices]. St. Petersburg: European University Publ., 298 p.
5. Levinea, Sh., Kurzban, R. (2006). Explaining Clustering in Social Networks: Towards an Evolutionary Theory of Cascading Benefits. *Managerial and Decision Economics*. Vol. 27, pp. 173-187.
6. Kadushin, Ch. (2012). *Understanding Social Networks Theories, Concepts and Findings*. NY: Oxford University Press.
7. Tkhapsoev, Kh.G., Sapunov, M.B. (2016). [Russian Educational Reality and Its Converted Forms]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 6, pp. 87-97. (In Russ., abstract in Eng.)
8. Zul'karnai, I.U., Islakaeva, G.R. (2015). [Russian Universities in Global Ratings]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 12, pp. 13-21. (In Russ., abstract in Eng.)
9. Baudrillard, J. *Simulyakry i simulyatsiya*. [Simulacres et simulation]. Tula: Tul'skii Poligrafist Publ., 2013, 204 p.
10. Babintsev, V.P. (2014). [Bureaucratization of a Regional University]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 2, pp. 30-37. (In Russ.)
11. Nazarchuk, A.V. (2008). [Network Society and Its Philosophical Comprehension]. *Voprosy Filosofii* [Russian Studies in Philosophy]. No. 7, pp. 61-75. (In Russ., abstract in Eng.)
12. White, H. (2008). *Identity and Control: How Social Formations Emerge* (Second Edition). Princeton, NJ: Princeton University Press.

The paper was submitted 01.08.16.

